

Начало

Я рухнул на диван в гостиной, бессильно вытянул ноги и отпустил мысли в свободный полет, слегка прислушиваясь к тому, как хозяйничает на кухне Люси. Чик. Дзынь. Вжик... выдвинулся ящик. Она переводит дух, а я никак не могу припомнить, сколько времени уже не слышал вот такого ее родного дыхания — совсем близкого, буквально за моей спиной... Я прислушиваюсь к ритму ее привычной жизни, словно к позабытой атмосфере детства.

Прошло четыре недели, как я вернулся. Домой. Но не к своей прежней жизни — на это я никак не решаюсь... Одиннадцать лет тому назад, прежде чем покинуть родные стены, я с особой тщательностью расставил по полкам коробочки с сувенирами, разложил подушки на шезлонгах, перебрал свои инструменты... Те самые предметы, что держали на прочном якорь весь мой мир, делая его незыблемым. «Ты голоден?» — вдруг прерывает мои размышления Люси, не прекращая позвякивать столовыми приборами. Переливы ее голоса напоминают мерцание жемчужного ожерелья. Надо просто — продолжаю рассуждать я — взять и вернуться к прежнему ритму, желательнее не пошевелив при этом даже пальцем. Хотя... В ванной комнате силиконовый герметик давно требует замены, а у двери в садик надо бы заделать плинтус... Я поглубже забираюсь в приятную мягкость диванных подушек. Итак, что мы имеем? Я вернулся — и мой дом принял меня. Я не могу — да, в общем-то, и не хочу — больше бежать от него. Те предметы обихода, что его наполняют, — это своего рода тотемы, наши домашние божки, символизирующие стабильность течения жизни и каждого нового дня. К ним я снова привыкну. Просто все время сам откладываю это мгновение: еще на час, еще на денек, еще на недельку...

Одна французенка, которую я когда-то встретил в Чили у подножия горы, предупреждала: «Запомни: ты никогда не сможешь вернуться к прежним привычкам!» Она была права... Я умудрялся чувствовать себя абсолютно комфортно где-нибудь неподалеку от Лондона или Буэнос-Айреса, но дома, среди обычных вещей, вдруг ощутил себя совершенно потерянным. Ведь там, в пути, только два предмета были действительно драгоценными: подшпипники для моей коляски да еще очки. Каждый день в течение многих часов я просто мерил шагами какой-нибудь очередной город... Пытаясь самому себе объяснить, как же случилось это путешествие, я перебираю в памяти фрагменты своей жизни. Вспоминаю детство...

Я родился в провинции Квебек, на молочной ферме в Эстрии, самом плодородном районе Южного Квебека, неподалеку от городка Асбестос, что, как вы догадались, и означает: «асбестовый». Там жила вся наша семья — пятеро детей да три десятка буренок. Молоко этих коров мы продавали и жили довольно благополучно до тех пор, пока моего отца не лишили права собственности... Дело в том, что в Квебеке закон дает преимущественное право на землю владельцам горных месторождений, а наша ферма располагалась как раз на границе одной такой разработки. Двухсоттонные грузовики сбрасывали пустую породу прямо на наши земли. Мой отец очень переживал; он помнил, что у нашего деда тоже когда-то отобрали землю... И вот однажды к нам прибыл судебный пристав, державший в руках документ на изъятие земельного участка: все было кончено... В одно мгновение.

Мой отец пытался бороться и вести переговоры с владельцами месторождения. Он даже инициировал судебный процесс. Я до сих пор помню, как он, скромный законопослушный фермер, идет на очередное судебное слушание и почему-то всегда держится поодаль, шагах в трех позади своего адвоката, будто какой-то разоблаченный преступник... Его борьба за справедливость длилась три года, но судиться с промышленниками в те времена было заведомо проигрышным делом. В конце концов отец отказался от своих исков и приобрел другой кусок земли, в десяти километрах от нашего прежнего дома. Но эта история уничтожила в нем «фермерскую жилку» — отца больше не радовала земля. Он распродал все: наших коров, нашу технику, — открыв собственный кемпинг и банкетный зал. Мне тогда было пятнадцать, начинался новый этап нашей жизни.

Все привычное хозяйство предстояло перестроить. Теперь зимой мы проводили для постояльцев горнолыжные курсы, постоянно устраивали

какие-то банкеты, свадьбы. Можно сказать, что в эти годы мы опять были счастливы... ну или почти счастливы, работая плечом к плечу в семейном бизнесе... Но все же мой отец был неисправимым фантазером. Он мечтал «выкопать озерцо», чтобы разводить там радужную форель, грезил собственным полем для гольфа... Ни один из этих прожектов успехом не увенчался. Мы едва сводили концы с концами. И однажды, неожиданно для всех и самого себя, я покинул семейный бизнес.

Быть может, уже тогда, в те далекие времена, я помышлял о бесконечных путешествиях, испытывал это нестерпимое желание уехать куда глаза глядят? Мне часто задают этот вопрос. Наверное, люди думают, что вкус к приключениям и жажда путешествий записываются задолго до рождения прямо в генокод? Мне жаль их разочаровывать, но приходится отрицательно качать головой в ответ... Эта идея раньше вообще не приходила мне в голову. По крайней мере, в юности. Я любил и нашу землю, и нашу семью, и наш образ жизни. Но для меня всегда имело значение только одно: оставаться самому себе хозяином нужно любой ценой.

Одно воспоминание из детства кажется мне по-настоящему ужасным. Целый год я проучился в школе-интернате при монастыре. По заведенному правилу на утреннее умывание мы должны были построиться в очередь по классам, кровать полагалось застилать по сигналу старшего, а расходиться по кельям мы были обязаны в строго оговоренное время. Монастырские сестры, опекавшие учеников, придумали свою систему школьных оценок. У них был список с именами всех детей, и рядом с каждым из них сестры ставили цветочек. Желтый лютик обозначал, что ребенок учится безупречно. Помню, был еще синий колокольчик, красная гвоздика... И сиреневая мальва — ею обозначали самых заурядных детей, бесперспективных, как сказали бы сейчас. Каждую неделю я с содроганием сердца предугадывал, что свое имя найду в числе неумех. А разве система могла обращаться с нами как-то иначе? Вот почему я всегда был уверен, что должен оставаться самому себе хозяином — по крайней мере, не нужно ни перед кем отчитываться. Именно тогда, в детстве, глядя на эти цветочки, я пришел к глубочайшему убеждению: жить можно только свободным. Иначе это не жизнь.

В школе я никогда не блистал успехами. Но всегда любил и умел рисовать. Говорили, что у меня «есть данные». Однажды я решил запустить собственный бизнес по изготовлению наружной рекламы. Закупил краски и приступил к делу. Некоторое время я брал заказы на оформление грузовиков:

выводил на их бортах красивые ровные надписи. Потом моя компания выросла, бизнес расширился, я обзавелся партнерами, нанял персонал и приобрел небольшой склад. Продажи неуклонно росли: нашими неоновыми вывесками украшали даже городской стадион! Этот период моей жизни, пожалуй, был самым «нормальным» и, безусловно, самым продуктивным. Я работал много и говорил четко, размашисто подписывал контракты и решительно осваивал новые рынки. Деньги манили меня, как искусная любовница, и мне нравилось их зарабатывать. Кстати, именно в тот счастливый период жизни я встретил женщину своей мечты.

Люси весьма отличалась от моей прежней спутницы жизни. Надежная, зрелая, умная. Она была старше меня, но каким-то образом так случилось, что с самого первого взгляда мы потянулись друг к другу. Кем я был тогда? Крутым парнем, который продает крутые вывески. А она — сама загадка, воплощение тайны... Именно Люси удалось сделать меня по-настоящему раскованным. Ведь до той поры все мои знания о мире ограничивались поездками в Вегас и Орландо на конференции для производителей наружной неоновой рекламы. А она побывала и в Индии, и в Непале, и в Израиле, и в Египте... И, конечно, знала массу историй. Первое лето, что мы провели вместе, я постоянно пребывал в состоянии какого-то детского восторга, слушая ее волшебные истории о Мерлине, короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Моя собственная «библиотека», доставшаяся от отца, состояла всего из одного атласа Grolier*, который я перелистывал перед сном. А моя возлюбленная посвятила меня в удивительную историю завоеваний Чингисхана... Благодаря Люси я открыл неизведанный доселе мир. Она сумела подарить мне новое измерение жизни! Именно тогда и начались мои первые воображаемые путешествия. У одного из своих клиентов я однажды углядел туристическую брошюрку с бирюзовым морем и парусником на обложке. И тотчас записался в парусную школу на озере Шамплейн**, в устье реки Святого Лаврентия***. Я собирался построить собственное судно прямо на заднем

* Американское издательство, выпустившее самые знаменитые энциклопедии США. *Здесь и далее там, где это не оговорено особо, примечания даны переводчиком.*

** Крупное озеро на границе США и Канады, имя которому подарил Самюэль де Шамплен, или де Шамплейн, великий французский путешественник, основавший первые поселения французов в Канаде.

*** Одна из главных рек материка, соединяет Великие озера с Атлантическим океаном. Вдоль берегов этой реки, названной в честь римского святого, французские поселенцы создавали свою «Новую Францию», которая впоследствии стала Квебеком, Французской Луизианой и другими колониями на Североамериканском континенте.

дворе нашего дома. Эту мечту я пестовал, буквально проглатывая книги знаменитых яхтсменов — Бернара Муатесье* и Эрика Табарли**. Я делал это с таким же рвением, как в детстве, когда придумывал собственное нелепое судно на винтовом ходу. «Ничего не выйдет, мальчик мой», — ворчал дед... Я был заложником собственных фантазий и желаний. «Однажды я обязательно стану моряком». «Однажды я подниму якорь на судне, которое сам построю». «Однажды...»

Я скажу вам, как все могло обернуться... Я бы до конца своих дней сидел дома и скреплял деревянные дощечки и палочки между собой. Подражая своему отцу, в так и не вырытом озере удил бы призраков собственных иллюзий. Ведь я оставался одним из миллионов мечтателей, которые поддерживают огонь перед алтарем своей мечты, то и дело подбрасывая в него угольки поэтичности и щепотки безумства, чтобы невероятный костер продолжал полыхать... Однако эти фантазеры так и не решаются сжечь дотла свою скучную повседневную жизнь...

Но тут грянула буря. Она смела на своем пути все плотины и дамбы. 5 января 1998 года ледяной шторм обрушился на юго-восток Квебека. Проливные дожди с градом целых пять дней бушевали над городом, парализовав в нем жизнь, нависая над нашими домами, над верхушками крыш. И вот, укрывшись в своем домике в самом эпицентре стихии, мы с Люси в крошечной темноте ужасались тому, как ледяные наросты крушат растущие вокруг клены и рвут электрические кабели. По счастью, у нас был дровяной камин, так что, оставшись без электричества, мы все же могли греться. Вокруг царил апокалипсис. В лагерях для беженцев, организованных при поддержке военных, тысячи людей наблюдали, как их мир рушится. Были зафиксированы случаи гибели людей от гипотермии. Казалось, что этот шторм никогда не закончится — будто нас приговорили навсегда исчезнуть в ледяном полумраке.

На ликвидацию последствий ушло больше месяца. Но забыть пережитый шок мы не смогли. Как удар по почкам — полностью уже не оправишься. Я понимал, что продажи мои неизбежно упадут и клиенты отложат заказы на новые неоновые вывески. На долгое время наступил «мертвый сезон»,

* 1925–1994, французский путешественник, писатель, настоящий хиппи, ценитель прекрасных женщин, хорошего рома и приключений.

** 1931–1998, легенда французского парусного спорта, гонщик, получивший за трансатлантическую гонку орден Почетного легиона из рук самого Шарля де Голля. Знаменитый писатель, романтик и затворник, вырастивший только одного родного сына, но при этом создавший школу профессиональных морских юнг.

и многие мои сотрудники уехали из Квебека. Каждый день я приходил к дверям своей фабрики, но не мог даже поднять глаза на нее, совершенно подавленный. Конечно, можно было выправить положение, ведь я был членом программы финансовой помощи малому бизнесу. Но ледяные ветры напроць сдули с меня «защитный панцирь», так необходимый в любом бизнесе. Я чувствовал себя голым, беззащитным и докатился до такой переоценки ценностей, из которой, очевидно, не выбрался бы уже никогда. В ситуации жесткого потребительского кризиса мне все же удалось найти себе местечко торгового представителя компании по производству наружной рекламы. Отныне каждое утро я застегивал рубашку на все пуговицы, отпраивался впаривать клиентам товар и пел им одну и ту же песню с навязшими в зубах словечками: «Проработка проектов — маркетинг — новые рынки — продукция». А выходя от очередного клиента, снова и снова ревел в своей машине. По всей вероятности, у меня была депрессия. Но разве, рассуждал я, депрессия — не обычная болезнь, которая лечится таблетками? Временами я думал о том, чтобы покончить с собой. На тот момент мне было 43. Мне казалось, что во имя денег я гроблю собственную жизнь.

И тогда, чтобы избавиться от стресса, я начал ходить пешком. Потом принялся бегать. Я в совершенстве овладел собственным телом, и это приносило некоторое утешение. Казалось, тело — моя последняя и единственная обитель, над которой я еще сохраняю власть. Дурные мысли улетучивались... А ведь я всегда был рабом золотого тельца, признавая, что деньги — это единственный способ выжить в современном обществе. Как я рассуждал в то время? «Не умеешь зарабатывать — значит, ты ничтожество!» Назубок выучив эти «правила игры», я подогнал под них всю свою жизнь. Мне легко давалось искусство продаж — по большому счету, я мог продать что угодно. В моем предпринимательском прошлом я запросто разделялся с конкурентами — не гнушался распахивать их локтями, беззастенчиво обходил их окольными путями, разрабатывал мудреные схемы для того, чтобы заполучить их бизнес. Не раз случалось, что я вел себя как распоследний мерзавец, иступленно предаваясь гонке за наживой. И вдруг выяснилось: все, на что я равнялся, в один момент обесценилось. Где мои ценности теперь? Чем я их заменю? Во мне сломалась какая-то пружина — и я понял, что больше не смогу вынести жестокой конкурентности этого мира. Меня будто загнали в тупик, распластав по стенке. Было ясно, что предстоит найти истинные, общечеловеческие ценности... Но в глубине души я так и не понимал, чего же мне не доставало.

И не понимал, куда бежать.

Выхода было два: смерть или бегство. Но если бегство, то непременно на грани безумства, экстрима, риска.

Я где-то потерял свою душу. Нужно было отправляться на ее поиски.

В один прекрасный день, в ноябре 1999 года, я как обычно делал пробежку по набережным Старого порта и большими шагами отмерял путь от острова Святой Елены к мосту Жака Картье. Вдруг меня осенила одна идея. Интересно: если не останавливаться, то как далеко я смогу убежать? Я принялся подсчитывать. Сколько времени займет моя пробежка до границы Канады, до Нью-Йорка, Техаса, Мексики?.. А дальше? Сколько нужно человеку, чтобы бегом обогнуть земной шар?..

Какой бы безрассудной ни казалась поначалу эта идея, по мере того как она овладевала мной, исчезала и привычная депрессия. Вернувшись домой, я лихорадочно развернул карту полушарий, достал циркуль и начал представлять, куда мог бы отправиться. Это возможно, это вполне осуществимо. Следующие несколько месяцев я посвятил тому, что в атмосфере строжайшей тайны покупал карты, выверял свои маршруты. Разумеется, Люси ни в чем не должна усомниться! Но прежде чем открыться ей, я должен был услышать от кого-нибудь, что не сошел с ума. И делился своими планами со случайными встречными: бомж на парковой скамейке, ребята из пожарной команды, давшие мне попить, коллеги с работы. И вот однажды законченная картина предстала передо мной во всей своей безупречности: я пересеку пять континентов. Согласно моим предварительным подсчетам, путь без остановок должен занять порядка шести лет.

И вот тогда я ощутил, как неведомая сила разлилась во мне.